

Что нам за жизнь разговаривать,
 Что нам гадать на-гора?..
 Жизнь — толокно или гарево?
 Завтра. Сегодня. Вчера.
 Сколько похлебку ни взваривай,
 Не избежать заварух,
 Зарево, марево, варево —
 Из молодых и старух.
 Старая? Малая? Что теперь?
 Не разгадать напрямик.
 Жизнь — долгожданная оттепель,
 В будущность рвущийся крик!
 Песня к рассвету поспела и
 Зорька, как мать, тяжела.
 Зоркою яблоней белою
 С новой весной расцвела...
 Много под яблоней этою
 Спето-сговорено слов,
 Что нам на жизнь нашу сетовать,
 Муку в муку измоллов.
 Дверь притвори в доме стареньком
 И, не гадая, молчи!
 ...Жизнь потихоньку устанется,
 Словно заслонка в печи.

*Россия — громадная равнина,
 по которой носится лихой человек.*

А.П. Чехов

В руках игрушечный калейдоскоп вертеть,
 Событья-стеклышки смыкая воедино.
 Понять, что пройдена сумбурно жизни треть,
 А Дант писал: «...пройдя до половины...»

Зеленых трав неистовая плоть
Истлеет и земле за все воздаст,
Останутся лишь Слово и Господь,
Все будет, как предрек Экклезиаст.

Век золотой осыплется листвою,
Презренным золотом звонко прозвенит.
И под тугой поющей тетивой
Стрела времен нацелится в зенит.

И если Бог — Любовь, и Слово — высь,
Развей обманов прежние дымы!
Здесь травы и созвездия срослись
В стране равнин и ливней — словно... мы.

* * *

...Но небесные замыслы есть!

Ю. Кузнецов

«...Значит, я еще здесь для чего-то нужна, —
Пусть летит в неизвестность рассветный трамвай,
Посему решено!» — так устало она
Повторяла себе: оживай, оживай!

И от счастья рыдать, и от радости взвыть —
Ты поверь: ничего невозможного нет.
Никому никогда ни за что не избыть
Твой пронзительный раненый ранний рассвет.

Небеса... И по ним будут плыть облака;
А земные трамваи — по рельсам ходить
И привычно, как няньки, качая слегка,
И друзей, и врагов, и прохожих возить.

Разве это друзья, если всласть — только власть?
Разве это враги, если им все равно?
А прохожие что ж? На примете одно —
На фартовый трамвай задарма бы попасть.

Под дождем постоят, но промокнут — едва ль.
И беспечный твой радужный день умыкнут.
И за высшую доблесть — за подлость медаль
На нагрудный карман пиджака пристегнут.

Но смешно неразумных за это корить —
Пусть трамваи баюкают их день за днем,
А тебе остается влюбляться и жить,
Лишь бы не забывала, зачем мы живем.

В КАФЕ «МАЯК»

На Большой Никитской, в кафе «Маяк»,
Где соперник ночи — табачный дым,
Разливают пойло с клеймом «коньяк»
Разливанно хабалистым, молодым.
И забыв, что страшного ничего
Нету в жизни, имя которой — ложь,
Ты сидишь и ждешь только одного...
Впрочем, ничего ты уже не ждешь!
Ты давненько про все рассказать хотел.
Вот, мол, был Маяковский чудной мужик!
От идейных тем до лилейных тел,
Маяковский был из чумных прожиг.
Да, видать, притвора ты из притвор.
Лжи прилежно талантливый ученик.
Расскажи мне, как дружат с тех давних пор
Маяковский, Ося и Лиля Брик!
В закоулках бесятся сто чертей,
Потеснив этот дымный ночной приют.
Мне твой мнимый праздник осточертел,
Не чужой, но чуждой была я тут!
И досада жгуче внутри горит.
Мне сей привкус с недавних времен знаком.
Мне забавно от выпитых «Маргарит»,
Опрометчиво смешанных с коньяком.
Это черно-белое домино,
Форте-пьяных клавиш ночной расклад.
В нашем времени все предрешено —
Перепито и спето на разный лад.

* * *

А я развеян ветрами...

Гарсия Лорка

Обещанья мужские недорого стоят —
Легковесней пуха, прочней пера!
Ничего, мой хороший, ломать — не строить,
Знать, боярышнику вызреть пришла пора...

Правды — ни на грош: не сентябрь — истома.
Драгоценный мой, не продешевил:
Увлечениями ветреными влекомые
Недалече бегают от любви!

Не случайно сказано: «смерть — полушка»,
Отцветает и отгорает влет!
И зардевшейся барынькой-хохотушкой
Осень (царственная побирושка!),
Все плоды пособрав в подола, придет

И упрямо посмотрит – молча, мороча,
Обметая равнины красой-листой.
Мокнуть под дождем нету больше мочи,
...Раскидал боярышник свое узорочье —
Раскидало по осени нас с тобой.

Оправдаться неужто достанет духа?
Но, не веря обещаниям и дарам,
Пожелаю себе ни пера ни пуха,
А тебя посылаю ко всем ветрам!

* * *

Вот примирение — есть и такая пора,
Гложет и гложет спасеньем от утра до утра:
Встать и собрать земляники лесной два ведра,
И примириться с собой, став счастливым как будто.

И примириться с судьбой, что течет молоком
И утекает на небо, из вечера в вечер.
...И земляничным вареньем и мятным чайком
Баловать душу, прощая грехи человечьи.

Вот примирения год или два или три,
Не перечеть — в счастье времени не наблюдают.
Над земляничной поляной, взошла, посмотри,
И воцарилась на небе луна молодая!

Пестуя светом земную людскую юдоль,
Тех, что спасением живы от утра до утра,
В ведра с земли собирать то ли быль, то ли боль,
Чтоб понемногу вкушать, став счастливым, как будто.

* * *

По птичьему лету, по зыбкому льду
Весне первоцветной навстречу иду.
Ветра прилетают
И лед подъедают,
И дуют в шальную дуду.

И голуби мнутя у кромки пруда,
И смотрят, любуясь, как дремлет вода
До майского срока,
В предчувствии рока —
Могучего таянья льда!

С господних и горних поющих высот
Нисходит сиянье на тающий лед.
По лужам веселым,
Взметая подолом,
Весна мне навстречу идет.